

традицией соответствий между обрядовыми ситуациями и моделями поведения в них человека. Как следствие происходит изменение характера эмоционального плана сопровождающих обряд текстов, а ведь именно он определяет те или иные предпочтения в выборе ассоциативных связей художественных образов.

Литература

- Авдеева 1837 – [Е.А. Авдеева.] Записки из замечания о Сибири. Сочинение ...ы...ой. М., 1837.
- Азадовский 1960 – Азадовский М.К. Ленские притчания // Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 114–174.
- Афанасьев 1985 – Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. Т. 3. М., 1985.
- Бетлужская сторона 1996 – Бетлужская сторона: Фольклорный сборник. Вып. 2. Шарьи, 1996.
- Волков 1999 – Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: В 2 т. Т. 1. М., 1999.
- Волошин 1989 – Волошин М.А. Россия // Волошин М.А. Средоточье всех путей: Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М., 1989. С. 136–146.
- Гнатюк 1899 – Гнатюк В. Галицко-русскі анекдоти // Етнографічний збірник. Т. VI. Львів, 1899.
- Декамерон 1970 – Дж. Боккаччо. Декамерон. Перевод Н. Любимова. М., 1970.
- Добровольский 1891 – Смоленский этнографический сборник / Сост. В.Н. Добровольский. Ч. I // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XX. СПб., 1891.
- Евдокимов 2003 – Евдокимов Д. Тайны домакомода // За Каляжской заставой. № 9 (216). 6 – 12 марта 2003 г. С. 13.
- Чесноков 1911 – Чесноков А. Свадебные обряды и песни «кержаков» // Живая старина. 1911. № 1. С. 57–96.
- Зеленин 1991 – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Колпакова 1962 – Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962.
- Кулагина 1995 – Частушки в современных записях (публикация А.В. Кулагиной) // Русский эrotический фольклор. М., 1995. С. 440–501.
- Лобкова 2000 – Лобкова Г.В. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность. СПб., 2000.
- Причтания 1960 – Причтания / Подгот. текста Б.Е. Чистовой и К.В. Чистовой. Л., 1960.
- Причтания 1997 – Причтания Северного края, собранные Е.В. Барсовым: В 2 т. Т. 1. СПб., 1997.
- Пропп 1997 – Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997.
- Русская частушка 1993 – Русская частушка / Сост. А.В. Кулагина. М., 1993.
- Симаков 1995 – Из собрания В.И. Симакова «Нескромные частушки и песни» (публикация А.В. Кулагиной) // Русский эrotический фольклор. М., 1995. С. 502–516.
- Смирнов 1920 – Смирнов В.И. Народные похороны и причтания в Костромском крае. Кострома, 1920.
- Соколовы 1999 – Сказки и песни Белозерского края. Записали Б.М. и Ю.М. Соколовы: В 2 кн. Т. 2. СПб., 1999.
- Шайкин 1910 – Шайкин Н.С. Похоронные причтания Олонецкого края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1910 год. Петрозаводск, 1910.

Сокращения

ФЭ – Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

А.В. ЧЕКАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕВИЧИЙ АЛЬБОМ (ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ)

Трудно найти в отечественной культуре явление, которое могло бы сравниться с девичьим альбомом в продолжительности влияния на умы и сердца юных девушек. Как и двести лет назад, когда обладательницей альбома была каждая уездная барышня, так и сейчас тетрадку с песнями, стихами и рисунками можно найти практически у любой школьницы. Порождение городской культуры, альбомная традиция еще в 1930-е гг. распространилась среди сельских жительниц и до сих пор повсеместно сохранила свою популярность. Пройдя длинный путь от изящных бархатных альбомов светских дам до разрисованных фломастерами тетрадей наших современниц, альбом по сути остался тем же, чем он был в пушкинскую эпоху: средством общения, с помощью которого завязывали контакты, учились строить отношения с противоположным полом, узнавали правила житейской мудрости.

Как тип рукописного сборника, представляющего собой сложный комплекс верbalных и неверbalных составляющих, альбом сформировался еще в начале XIX в. Уже в это время выделились его основные отличительные черты: *полигианровость* (присутствие в составе альбома произведений разных жанров), *синкретичность* (взаимосвязь верbalных и неверbalных компонентов в системе альбома), *коммуникативность* (альбом предполагает коллективное составление, то есть имеет установку на создание диалогового поля между читающим альбом и пишущим в него) и *личность* (сосредоточенность на выражении чувств и эстетических пристрастий пишущего). Другими словами, произведения различных жанров организуются в альбоме в сложное единство посредством элементов графического и вещественного оформления (рисунков, аппликаций, вложенных в альбом предметов и т.п.). Отмеченные выше свойства являются типологической особенностью альбома, вне зависимости от того, к какой разновидности он относится: к девичьему, солдатскому¹ или тюремному альбому. Эти три типа,

¹ Термин «солдатский альбом» является в настоящей работе синонимом понятия «солдатский блокнот», используемого, в частности, В. Головиным, М. Лурье и Е. Кулешовым [Головин, Лурье, Кулешов 2003] для обозначения рукописного сборника текстов армейского фольклора. Его следует от-

значительно отличаясь тематически, имеют много общего. В настоящей статье речь пойдет о девичьих альбомах.

Перечисленные качества позволяют отдельить альбом от других типов рукописных сборников. Так, песенник (рукописное собрание текстов песен) отличает от альбома, во-первых, моножанровость, а во-вторых, более открытый характер бытования: в отличие от альбома, обладающего, в силу своего содержания, установкой на камерность, обращение в кругу близких друзей, песенники активно ходят по рукам, многократно переписываются, даже издаются. Альбом легко отличить и от многожанровых тетрадей для записей, которые часто ведут женщины старшего возраста. Они не содержат рисунков и прочих украшений и создаются для индивидуального прочтения, так же как и дневники.

Тип рукописного альбома, сформировавшийся в дворянской среде первой трети XIX в., проходя через постепенное упрощение своего стереотипа, входил в культурный обиход более низких социальных слоев – во многом этому способствовали гимназии и воспитательные учреждения, где внутренняя письменная коммуникация между представителями разных социальных групп происходила весьма активно.

Не останавливаясь на рассмотрении истории этого процесса, изученного, к сожалению, еще недостаточно (особенно со второй половины XIX по начало XX в.)², перейдем к описанию феномена современного девичьего альбома. Строго говоря, нижняя временная граница этого явления приходится на 1960-е гг., когда сформировались многие современные альбомные жанры, в частности, рукописный любовный рассказ, «правила любви и дружбы», «адреса любви» [Борисов 1997], а также начала приобретать особую популярность менее распространенная прежде анкета. Однако уже в альбомах 1920-х – 1930-х гг. содержится материал зачастую настолько близкий к текстам, фиксируемым в последние десятилетия (вплоть до полного совпадения), что это делает возможным привлечение отдельных записей и этого периода³.

личать от дембельского альбома, составляемого перед увольнением из фотографий и незначительного числа текстов.

² Можно отметить лишь несколько работ, в той или иной степени касающихся эволюции альбомной традиции [Ханютин 1989; Борисов 1997; Головин, Лурье 1998].

³ Используемые в работе тексты, кроме тех, что цитируются по статьям других авторов, относятся к альбомам из архива кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ.

Приступая к рассмотрению отличительных черт современного девичьего альбома, необходимо прежде всего затронуть вопрос терминологии, поскольку решается он носительницами альбомной традиции и исследователями по-разному. Несмотря на то, что в большинстве научных работ для характеристики создаваемых девушками и бытующих в их среде многожанровых рукописных сборников чаще всего используется термин «девичий альбом», сами девушки в настоящее время предпочитают называть их «песенниками», «анкетами» или просто «тетрадями»⁴. Различия в наименовании мотивируются жанровым составом: тетради, содержащие анкеты, независимо от того, присутствуют ли в них другие жанры, девушки называют «анкетами»; тетради, включающие только песни (или еще и стихотворения) и не содержащие анкет, именуются «песенниками» или «тетрадями» (иногда встречаются более развернутые заголовки: «тетрадь для стихов и песен», «тетрадь любви»). Тем не менее понятие «альбом», которое на сегодняшний день не соотносится девушками с их тетрадями, до сих пор часто встречается во многих альбомных стихах, в том числе инициальных. Это можно объяснить устойчивостью альбомного репертуара, сохраняющего без изменения все давние клише, даже утратившие актуальность. Потому современная тетрадь с надписью «Анкета» вполне может открываться строками: «Мой альбом для того существует, / Чтоб друзей и подруг вспоминать» (из рукописного альбома сестер Ю. (1985 г.р.) и В. (1987 г.р.) Коркиных, д. Марково Никольского р-на Вологодской обл.).

Непременными условиями формирования альбомной традиции являются наличие замкнутой социокультурной среды и ситуация ограниченности способов творческого и эмоционального самовыражения. Вспомним, что наиболее активно альбом бытует в армии и тюрьме; многие девочки начинают вести альбомы в пионерских лагерях и больницах. В армейской и тюремной среде благодатная почва для появления альбомов создается за счет отсутствия свободы личности, невозможности самореализации, тотального контроля, изоляции от близких и др. В школьной девичьей субкультуре возникновение альбомного творчества обуславливается несколько иными причинами: возрастными, социальными и культурными. Возрастная среда бытования девичьего альбома – школьницы 9 – 15 лет; в сельской местности верхняя граница может отодвигаться и

⁴ По нашим наблюдениям, этот терминологический переход также относится к 1960-м гг.

до 17 – 18 лет. Имея возможность приобщения к высокой культуре во всех ее проявлениях и широкий выбор способов творческого самовыражения (что характерно для детей из городской интеллигентской среды), девочки редко заводят альбомы, а если и заводят, то, как правило, ненадолго и под влиянием коллективного примера, а не для удовлетворения внутренних потребностей. По тем же причинам не ведут альбомы студентки вузов; кроме того, здесь срабатывает и возрастной фактор: девушки просто «перерастают» альбом с его односторонним взглядом на мир, ограниченным кругом сентиментальных идеалов – распущие интеллектуальные и эмоциональные запросы требуют иных способов реализации. А. Ханютин сираведливо отмечал: «Очевидно, в итоге отмеченного нами процесса разрушения верхних "этажей" альбомной культуры, размытия ее литературного "ядра", альбом полностью перенес в ведение групп с низким социальным статусом, превратился в сугубо массовую, низовую, китчевую форму, не имеющую жанрового эквивалента на более высоком культурном уровне» [Ханютин 1989, 205].

Тем не менее в среде активного бытования все три разновидности альбома рассматриваются как непременный атрибут культуры. На первый план, особняко у детей, выходит приоритет традиционности – одной из основных ценностей фольклора: хорошо не тот альбом, в котором есть что-то новое и необычное, а тот, который отражает наиболее распространенные культурные веяния и содержит самые популярные тексты. Рукописный альбом следует в этом общефольклорной закономерности: «...Иперсональность народных произведений тесно связана не только с колективностью творчества и процесса создания произведения, но и с коллективностью характера содержания, отражающего обобщенное, соборное мышление, мировосприятие и психологию масс, где актуализируются лишь санкционированные коллективом, наиболее существенные для сознания факты действительности...» [Костина 1999, 212]. Юные составительницы альбомов стремятся перешеголять друг друга не в разнообразии материалов (в условиях одной коммуникативной среды – например, класса – они, как правило, одни и те же), а в оформлении, в красочности рисунков, наклеек и т.п.

Альбом является способом активной внутренней коммуникации в пределах определенной культурной группы. В нашем случае она происходит между хозяйкой альбома, читающей то, что пишут ей друзья в прозаической и стихотворной форме, и, в свою очередь, тоже пишущей для них (обращения к «гостям» аль-

бома; изложение определенных правил поведения внутри альбома; приглашение поучствовать в тестах, играх, открыть «секрет» и т.п.). Общение в пределах альбомного пространства происходит здесь, таким образом, по модели диалога, который превращается в полилог лишь в редких случаях, когда «гости» альбома высказывают на его страницах свою реакцию на написанное их предшественниками.

Как элемент внутренней коммуникации альбом не знает ситуации «инокультурный» – всё, что попадает на его страницы, автоматически становится «своим». Переписываемые произведения не маркируются как принадлежащие другой культуре, а, напротив, воспринимаются как нечто свойственное именно данной группе (в альбом не включаются материалы, которые составители считают устаревшими). Фактически происходит активная социокультурная миграция текстов: в тюремных, солдатских и девичьих альбомах можно найти одни и те же, актуальные для каждой группы, произведения, возраст которых к тому же часто составляет несколько десятилетий (например, новые баллады). Поэтому, сравнивая альбомы в пределах одного типа – например, девичьи альбомы представительниц разных поколений, – мы найдем в них сходный фольклорный материал, жанровый состав (альбомные стихи, пожелания, песни), вплоть до повторения текстов, да и в структуре альбома общего будет гораздо больше, чем отличий. С другой стороны, наряду с наличием в девичьих альбомах произведений, имеющих давнюю историю, происходит постоянное обновление содержания альбома: он пополняется новыми жанрами (письменными гаданиями, гороскопами, школьной хроникой и др.).

Альбом открыт всем внешним веяниям, он предоставляет свободное пространство для творчества, практически не ограничиваемое внешними рамками (принцип «пиши, что хочешь») и с благодарностью принимает любой текст для дальнейшей передачи «из тетради в тетрадь». Эта свобода проявляется и в отсутствии жесткой композиционной структуры в пределах альбома, что отличает его от анкет, где появление текстов (и даже их расположение) строго регулируются хозяйствкой, например, ее заданиями написать в отведенном месте пожелание, стихотворение и т.п.

В ситуации альбомного диалога каждый текст звучит и воспринимается как личный голос написавшего, выражаящий именно его чувства и мысли. Даже при использовании текста литературного происхождения, как не раз отмечалось, имеет место своеобразное «при-

своение" текста: он становится личным, лирическое "я" поэта очень часто превращается в "я" владельца альбома...» [Калашникова 2003, 617]. Но такая предельная субъективность – скорее псевдосубъективность (как и псевдоавторство), поскольку на поверхку она оказывается маской, за которой скрываются коллективные художественные стереотипы, кочующие из альбома в альбом. Характерно, что клишированная комплиментарность альбомного текста прекрасно осознается и самими составительницами альбомов:

*Не верь тому, кто здесь попишет,
В альбоме редкий не совершил,
В альбоме все любовью дышат,
А сердце холодно как лед
(из альбома Маруси В., 1938 г., Варнавинский р-н Нижегородской обл.).*

Альбом рассматривается как атрибут конкретной культурной группы и в то же время как нечто совершенно не свойственное другой субкультуре, которая в данном социуме воспринимается как полярная: тюрьма – воля, армия – гражданская, девушки – парни. Эти оппозиции задают направление всему идеино-тематическому содержанию альбома и находят широкое отражение в его текстах.

*Кто с этой жизнью не встречался,
Кто пайку хлеба не едал,
Прошу закрыть тетрадку эту,
Я не для вас ее писал
[Калашникова 2003, 607].*

*Кто не был солдатом, кто пыль не глотал,
Кто в дождь и пургу на посту не стоял –
Он разве мужчина? Он жизнь не видел.
Спокойно под маминым крыльышком спал.
Он эти строки не должен читать.
Солдатские письма ему не понять
[Головин, Лурье, Кулешов 2003, 219].*

*Не верь цветам, они завянут,
Не верь мечтам, они уйдут,
Не верь парням, они обманут,
Они всегда там поди врут
(из альбома Т. Белогазовой, 1998 – 2002 гг., Варнавинский р-н Нижегородской обл.).*

Ключевой оппозицией в девичьих альбомах является оппозиция 'девушки – парни'; еще одно возможное в данном контексте противопоставление 'дети (в данном случае девочки) – взрослые' в текстовом материале не актуализируется, хотя девочки и считают нужным скрывать свои альбомы от старших. В среде мальчиков альбомы воспринимаются как явление сугубо «девчачье», «неподобающее», вызывающее смех и пренебрежительное отно-

шение. Более спокойна реакция на анкеты, которые мальчики часто охотно заполняют. Девочки ревниво обергают свои альбомы от противоположного пола, опасаясь не только несанкционированного вторжения в сферу личных переживаний, но и насмешек. Так, одна из студенток филологического факультета МГУ, увлекавшаяся в детстве ведением альбомов, вспоминала: «...Иногда мальчики даже и не догадывались о тех тайнах и секретах, которые были записаны в анкетах и разных подобных тетрадях. А уж если это попадало к ним в руки, то обязательно всё то, что было написано, становилось "достоянием общественности", то есть, обычно под истерические крики хозяйки, содержимое читалось, и о нем узнавали все. Например, в моем личном опыте, после такого "нелегального" прочтывания я поссорилась почти с половиной своих одноклассниц. Из-за этого мальчики всегда охотились за такими тетрадями, а девочки, несмотря на риск быть разоблаченными, записывали в них как в дневник все свои секреты» (Самозапись Е. Чириковой, 1984 г.р., Москва).

Роль альбома в формировании культуры современных школьниц исключительно высока; его значимость для девушек представляется несравнимо большей, нежели значимость альбома для заключенных или солдат срочной службы. Нередко, особенно при отсутствии иных возможностей творческого самовыражения, альбом становится культурным ядром девичьего сообщества. Можно отметить ряд функций, которые выполняет альбом в девичьей среде, причем эти же функции будут актуальны и для солдатского и тюремного альбомов.

– Социализирующая функция. Альбомная традиция является одним из важнейших проявлений процесса включения индивида в состав сообщества, который сопровождается усвоением системы знаний и культурных традиций. Альбом выступает знаком принадлежности к конкретному коллективу, а в девичьей среде также показателем взросления и подобающего этому поведения.

– Коммуникативная функция. Альбом становится поводом к общению, обмену информацией, что особенно важно в подростковом возрасте. Эту функцию как в составе альбома, так и вне его особенно активно выполняет анкета. Альбом реализует стремление к коллектиности: стимулом к ведению альбома для девочек в большинстве случаев служит пример сверстниц.

– Развлекательная функция. Задавая школьницам вопрос, с какой целью они ведут

альбомы, можно смело ожидать недоуменно-го пожатия плечами и нехитрого ответа: «Просто так, для интереса, для развлечения». Развлекательная функция альбома – одна из немногих, которые осознаются самими носителями альбомной традиции и способствуют сохранению интереса к этому виду творчества.

– *Архивирующая функция*. Французское слово «album» имеет значение ‘памятная книга’, и сохранение в памяти – будь то образы друзей или полюбившиеся тексты – было и остается главной задачей альбома: «Мой альбом для того существует, / Чтоб друзей и подруг вспоминать...» (из рукописного альбома сестер Ю. (1985 г.р.) и В. (1987 г.р.) Коркиных, д. Марково Никольского р-на Вологодской обл.). В зависимости от того, чем является для составительницы ее альбом – собранием автографов друзей или хранилищем безымянных текстов, – актуализируются коммуникативная или архивирующая функции, что проявляется и в содержании самого сборника. В первом случае альбом создается «для других», напоказ, ярко украшается, становится частью имиджа девушки. При отборе текстов предпочтение отдается наиболее популярным в данном коллективе; личные пристрастия подчиняются общественным. Такой альбом активно показывают всем знакомым, предлагают сделать в него записи на память. Иначе оформляется альбом «для себя», функционально более близкий песеннику, чем памятной книге. Такой альбом призван прежде всего хранить тексты, он не предназначается для торжественного просмотра в кругу друзей, а потому практически не содержит никаких украшений. Девушка записывает в тетрадь то, что нравится лично ей; сюда могут включаться и собственные стихи, и записи дневникового характера. В отличие от первого, «мадrigального» типа альбомов, такие тетради зачастую прячут даже от самых близких.

– *Функция творческого и эмоционального самовыражения*. Альбом дает возможность излить сердечные переживания, становится своего рода дневником внутренней жизни девушки. Его свободная многожанровая структура позволяет выразить как личные пристрастия (например, заклеить полтетради фотографиями любимого певца), так и повсеместные модные увлечения. Ведение альбома, хотя и с оговорками, всё же можно назвать творчеством, причем, на наш взгляд, не только в той мере, в какой в альбоме присутствуют оригинальные произведения и рисунки составителей [Аникина 1997, 80]. Специфика альбомного творчества заключается в том, что тексты не создаются самим автором альбома (для

этого у большинства девушек просто нет достаточного эмоционального и литературного опыта), а определенным образом отбираются, изменяются (сознательно или бессознательно), группируются и оформляются из готовых произведений.

– *Дидактическая функция*. Роль альбома в формировании морально-этических представлений юных девушек, стереотипов их мышления и поведения исключительно высока. Для 12 – 13-летних школьниц альбом становится энциклопедией, где можно найти ответы на все вопросы: от толкований снов до советов, как вести себя на свидании. Альбом систематизирует доступный девочкам коллективный опыт, как духовный, так и практический.

Правоучительную функцию в альбоме выполняют стихи, значительная доля которых имеет наставительный характер. Примечательны и финальные морализующие сентенции певиц:

Действуй открыто во всем,
Будь человеком правдивым.
Лучше быть честным врагом,
Чем другом фальшивым
(стихотворение из альбома О. Андреевой, 1984 г.,
Москва).

Девицы, милые создания,
Бегите прочь вы от мужчин,
Они приносят вам страдания,
А вас не стоит ни один
(романс «Тоска» из альбома Н. Гончаровой,
1922 г., Вохомский р-н Костромской обл.).

Альбом хранит представления о нормах поведения, о значении тех или иных жестов, особенностей внешности и т.п. Такую «полезную» информацию можно обнаружить в различных толкователях-справочниках, «гадалках»: «Ларень называет на “вы” – уважает, на “ты” – насмехается; эсмет одну руку – ревнует, обе – скучает; поцелуй в губы свидетельствует о крепкой любви, в шею – об измене; веселый взгляд – изменяет, прищуренный – любит; подаренный платок означает разлуку, лента – любовь» (из альбома 1990-х гг., скопированного А. Чувилиной).

– *Гендерная функция*. Альбом, прежде всего его лирические жанры, формирует у девочек целый ряд гендерных стереотипов. Так, в альбомных стихах и романсах наблюдается более активная, доминирующая роль парня по отношению к девушке, которой отводится пассивная роль принимающей стороны. Альбомная лирика выдвигает ряд жестких предписаний относительно поведения девушки: она должна хранить свою гордость и девиче-

скую часть, быть нерной и постоянной в любви «до гроба»:

*Цветок сорвут и тут же бросят,
Но не давай себя сорвать.
Не разрешай тому, кто просит,
И будешь вечно расцветать*
(из альбома Е. Чирковой, 1984 г.р., Москва).

*Любовь всего сильней на свете,
Любовь невозможно убить,
Куда бы ни занес меня ветер,
Я буду тебя любить*
(из альбома Ю. Коркиной, 1985 г.р., Никольский р-н Вологодской обл.).

Альбомная лирика формирует стереотип неизбежности несчастной любви и длительных страданий покинутой девушки: «Если хочешь любить – приучайся страдать, // Без страданий любви не бывает» (из альбома Ю. Коркиной, 1985 г.р., Никольский р-н Вологодской обл.). Измены милого – один из основных мотивов в песнях, и в стихах. Но оскорблённая девушка вполне может отомстить за себя, что, в частности, является сюжетной основой многих новых баллад:

*Девчонкой можно увлекаться,
Девчонкой можно дорожить,
Но нельзя над девчонкой смеяться –
Девчонка может отомстить*
(из альбома О. Андреевой, 1984 г.р., Москва).

Сила женщины, учит альбом, заключается в умении стойко переносить жизненные невзгоды:

*Если трудно нам придется,
Когда виски сожмет тоска,
Железо, может, и согнется,
Но мы, девчонки, никогда!*
(из альбома 1990-х гг., скопированного Д. Курмалевой, Москва).

Вместе с тем альбом формирует двоякое представление о подобающем девушке поведении. С одной стороны, ей предписывается быть гордой и скромно вести себя («Уми, но не давай себя поцеловать без любви», «Чем девчонка строже, тем она дороже»), с другой – не быть закомплексованной, а, напротив, раскованной и активной, в том числе и в отношениях с парнями:

*Девчонки! Ура!
Вышли новые права:
Если парень не целует,
Поцелуй его сама*
(из альбома О. Андреевой, 1984 г.р., Москва).

*Быть скучной не надо,
Пусть парни тебя уважают,
Бросают влюбленные взгляды
И даже дамы провожают*
(из альбома Ю. Коркиной, 1985 г.р., Никольский р-н Вологодской обл.).

Такое двойственное понимание должного поведения девушки в современных девичьих альбомах отвечает традиционным народным представлениям, описанным Т.А. Бернштам: «Поведение девушки требовало более сложной комбинации свойств (чем поведение парня. – А.Ч.): с одной стороны, она должна была держаться скромно и с достоинством, с другой – обладать темпераментом, необходимым для роли "сударушки" парня. Удержать это равновесие девушке бывало очень трудно: общественное мнение и будущий брак требовали от нее сдержанности и чистоты, а нормы внутргруппового поведения – игрозой раскованности» [Бернштам 1988, 98].

Рукописный альбом аккумулирует различные формы творческого потенциала девочек-подростков. Он предоставляет им широкие возможности для самовыражения, но не прямо, а опосредованно, через воспроизведение пропущенных сквозь личное сознание текстов предшествующей культуры. Интересы юных девушек находят разнообразные способы воплощения, реализующиеся в разветвлённой жанровой системе альбома.

Эстетические представления школьниц проявляются в оформлении альбома. Современный альбом раскрашивается фломастерами, украшается сердечками, цветочками (традиционными альбомными рисунками), наклейками, вырезками из цветных журналов и открыток, причем количество и яркость украшений расценивается как несомненное достоинство альбома. Рисунок нередко выступает в качестве комментария, иллюстрации к приводимому тексту, в чем заключается проявление синкретичности альбома, хотя тенденция к символическому сочетанию словесного текста и изображения в современном альбоме проявляется слабее, чем в альбомах XIX в. Тем не менее легко можно найти образцы этого сочетания. Например, в одном из альбомов, украшенном в традиционном девичьем сентиментальном стиле, страница, где приводился текст дворовой песни «Седая ночь» (очевидно, воспринимаемой как «мужская»), была оформлена в графически четком и довольно жестком внешне черно-белом стиле (альбом Ю. Андроновой, 1978 г.р., Москва).

Рисунок в альбоме всегда испытывал воздействие массовых тенденций изобразитель-

ного искусства. Если в альбомах 1950-х гг. можно обнаружить, например, изображение девочки с флагом «СССР» в руке (такими раньше в изобилии украшались стены детских учреждений), то сейчас в альбомном рисунке часто проявляется влияние современных эмблем-символов (нацистки, эмблемы музыкальных групп и спортивных команд), граффити, мультипликации.

Впитывая с годами новые веяния, альбом продолжает оставаться любимой забавой многих девочек. Möglichkeitность создать собственными руками нарядную тетрадку, составив ее по своему усмотрению, никогда не заменит печатные альбомы, где всё творчество предполагается ограничить механическим заполнением страниц. Не случайно многие девочки предпочитают «покупным» альбомам свои, самодельные, считая их гораздо более интересными. Но какую бы форму ни приобретала с течением времени альбомная традиция, она нисколько не теряет той теплоты, которая влечет к ней множество поколений.

Литература

Аникина 1997 – Аникина С.М. Функции рукописного школьного альбома в контексте массовой культуры // Человек в культуре России: Мат. Все-рос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры. Ульяновск, 1997. С. 79–80.

Бернштам 1988 – Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

Борисов 1997 – Борисов С.Б. Эволюция жанров девичьего альбома в 1920–1990-е годы // Шадринский альманах. Вып. I. / Сост. и отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1997. С. 87–110.

Головин, Лурье 1998 – Головин В.В., Лурье В.Ф. Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор: От «вызывающих» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998. С. 269–362.

Головин, Лурье, Кулешов 2003 – Головин В., Лурье М., Кулешов Е. Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 186–230.

Калашникова 2003 – Калашникова М.В. Современная альбомная традиция // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 599–619.

Костина 1999 – Костина А.В. Массовая культура и фольклор: к проблеме соотношения // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. науч. тр. Вып. 9: Фольклор и художественная культура: История и современность. М., 1999. С. 210–218.

Ханютин 1989 – Ханютин А. Школьный рукописный альбом-песенник: новый успех старого жанра // Массовый успех / Отв. ред. А. Ханютин. М., 1989. С. 193–209.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ РУССКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1996 – 2003)

1996

Аллатов С.В. Эволюционные типы легендарного повествования // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 35–42.

Аникин В.П. Народная игра как художественный феномен // Филологические науки. – 1996. – № 3. – С. 14–24.

Аникин В.П. Национальная специфика жанра в свете сравнительной поэтики // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – Вып. 1. – М., 1996. – С. 240–250.

Аникин В.П. Отзыв о диссертации Шамсудина Халикасфаровича Хуга на тему «Несказочная проза адыгов», представленной на соискание ученоей степени доктора филологических наук // Шамсудин Хуг: К 60-летию со дня рождения / Автор очерка и сост. Р.Г. Мамий. – Майкоп, 1996. – С. 33–36.

Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. – М., 1996. – 408 с.

Ветлужская сторона: Фольклорный сб. / Вступ. ст., сост., примеч. и общ. ред. А.В. Кулагиной; Нотировка песен Т.В. Кирюшиной. – Вып. 2. – Шарья, 1996. – 272 с.

Из содерж.: Кулагина А.В. Неиссякаемые родники народной поэзии Поветлужья [вступ. ст.]. – С. 3–8; Педионные гадания и песни / В.А. Коэтик. – С. 15–29, 72–73; Лирические песни и частушки / А.В. Кулагина, Т.А. Легенчук. – С. 189–230; Эпические песни / А.В. Кулагина. – С. 231–238; Духовые стихи / А.В. Кулагина, Т.А. Легенчук. – С. 239–252.

Вятский фольклор: Мифология / Сост., автор предисл. А.А. Иванова. – Котельнич, 1996. – 119 с.

Иванова А.А. Дедушка-домовой // Русская словесность. – 1996. – № 1. – С. 3–6.

Иванова А.А. Баник // Русская словесность. – 1996. – № 2. – С. 3–5.

Иванова А.А. Леший // Русская словесность. – 1996. – № 3. – С. 2–6.

Иванова А.А. Подионные песни: Традиции и современность // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию преподобного Трифона Вятского Чудотворца): Мат. междунар. науч. конф. – Киров, 1996. – Т. 2. – С. 132–135.

Иванова А.А. Покойник // Русская словесность. – 1996. – № 5. – С. 12–16.